

По спине Шэнь Цинжання пробежал холодок: эта ситуация казалась ему до боли знакомой. Он поспешно сменил тон:

— Господин Линь, с весами, кажется, что-то не так. Стоит мне на них встать, как они начинают скрипеть. Может, пружина ослабла? Вы бы не могли их откалибровать? И смотрите, чтобы ни грамма лишнего не накрутилось, Его Величество — человек прагматичный, фальши не потерпит.

— Да, да, конечно, — Линь Дуань, ощущая на себе сверлящие взгляды двух мужчин, особенно Ци Гэ, вернувшегося так быстро, почти не сомневался, что тот заметил подвох. С самого детства Ци Гэ с первого взгляда определял, если Линь Дуань хоть пальцем прикасался к вещам в их домах.

Глядя на виноватое лицо Шэнь Цинжання, Линь Дуань почувствовал укол совести.

Шэнь Цинжань одними губами прошептал ему: «Всё нормально, верни как было».

Линь Дуань быстро привел механизм в порядок, после чего Ци Гэ, постоянно оглядываясь, буквально утащил его за собой.

— Господин Ци, вы... вы... Императрица ко мне очень добра! — Линь Дуань покраснел от возмущения и попытался вырвать руку.

— Я пытаюсь спасти тебя, пока ты не наломал дров! Император может прощать Императрицу до бесконечности, а тебя? — Ци Гэ снова крепко перехватил его руку. — К тому же, раз уж Император отпустил тебя, соучастника, разве он станет злиться на Императрицу?

— Прости, но у меня не было выбора, кроме как прибегнуть к такой хитрости. Сяо Дуань, ты пробыл во дворце целых десять дней... Я так соскучился.

Услышав это, Линь Дуань ускорил шаг. Теперь он прекрасно понимал смысл подобных двусмысленных фраз, и краска с его щек мгновенно залила всю шею.

Ци Гэ с удивлением посмотрел на него, и его лицо озарила радость:

— Сяо Дуань?

Воистину, Императрица, сумевшая покорить самого Императора, достойна восхищения — даже этого деревянного Линь Дуаня она заставила прозреть!

Поездка того стоила.

Сюэ Фэйфэн опустил глаза на Шэнь Цинжання, сидевшего на корточках, и молчал, ожидая, что тот скажет в свое оправдание.

Надо же было додуматься до такой нелепой идеи!

Сюэ Фэйфэн-то думал, что Шэнь Цинжань близок к заветной цели, и последние дни ходил довольный, ко всем благосклонный.

Но потрясение, пережитое Императором в пещере, было слишком велико. «Истина познается в сравнении» — вырастить из здорового Шэнь Цинжання такого изможденного, болезненного заморыша... Да будь он хоть трижды императором, ему было стыдно смотреть в полные надежды глаза родителей жены.

Чтобы ничто не отвлекало Шэнь Цинжаня от еды, Сюэ Фэйфэн, едва дорвавшись до плотских радостей, тут же научился воздержанию. Собственно, он с самого начала планировал дождаться, пока Шэнь Цинжань поправится на десять цзиней, так что, строго говоря, их брачная ночь была скорее незапланированным срывом.

Сюэ Фэйфэн обладал невероятной силой воли и самоконтролем. Наблюдая, как цифры на весах каждый день растут, он балансировал на грани, с трудом сдерживая свои порывы.

И вот он смотрит, как Шэнь Цинжань, медленно, словно черепаха, заползает на весы, протягивает тонкий белый палец и сдвигает гирьку... Видимо, прекрасно зная свой реальный вес, он, не раздумывая, установил её на нужную отметку, и стрелка замерла в идеальном равновесии.

Шэнь Цинжань ткнул в шкалу и с деланным озарением произнес:

— А я еще вчера заметил, что весы врут! Сегодня попросил Линь Дуаня их починить, и вот, пожалуйста: я, оказывается, поправился всего на пять цзиней!

— Как же тяжело набирать вес! Раньше мне тетушка Чжан жаловалась, что её поросенок за три месяца всего на десять цзиней поправился, а я ей не верил. Думал: как так, свиньи же только и делают, что спят да едят, как они могут не толстеть? — Шэнь Цинжань состроил невинные глазки. Разве он в этом виноват?

— Мне тоже хотелось бы это знать, — чеканя каждое слово, с глубокой скорбью произнес Сюэ Фэйфэн.

Пять цзиней!

А не девять!

Сюэ Фэйфэн едва кровью не харкнул. Казалось, кто-то живьем вырезал из его сердца те самые четыре цзиня.

Ведь Шэнь Цинжань и был его сердцем.

Шэнь Цинжань потянул его за подол ярко-желтого халата, три секунды созерцал вышитого дракона и перешел к жалобам:

— Я сидеть на корточках устал.

Не успел он договорить, как Сюэ Фэйфэн, подхватив его под колени, словно ребенка, поднял на руки, в два шага пересек комнату и уложил на кровать.

— Ноги не затекли? — Грубоватые ладони Сюэ Фэйфэна принялись растирать икры Шэнь Цинжаня, разливая по ним приятное тепло.

Шэнь Цинжань довольно зажмурился. Послеобеденное солнце ласково грело, а когда тебя откармливают, как поросенка, в сон клонит постоянно.

Сюэ Фэйфэн такой коварный! Как я при таком раскладе весной в поле пойду?!

С закрытыми глазами он почувствовал легкий, нежный поцелуй на губах. Хотя предаваться плотским утехам среди бела дня не подобает, но раз уж он сегодня так нагло обманывал Сюэ Фэйфэна, можно и сделать исключение. С покрасневшимся лицом и пересохшими губами

Шэнь Цинжань робко обвил руками шею Сюэ Фэйфэна...

Но в следующую секунду Сюэ Фэйфэн отстранился и вынес вердикт:

— Обдумай свое поведение. Напишешь покаянную на тысячу слов, жду до ужина.

Шэнь Цинжань в недоумении уставился вслед убегающему Сюэ Фэйфэну. У него же там всё... того... напряглось?

Или Сюэ Фэйфэн решил, что одного раза в жизни вполне достаточно?

Какую еще покаянную?!

О том, что у него только что возникли грязные мыслишки?!

Да это Сюэ Фэйфэну нужно покаянную писать!

В тот вечер Император так и не дождался покаянной. Вместо этого «жена» весь вечер сверлила его странным, полным испытующего подозрения взглядом.

Хотя метод Сюэ Фэйфэна — «откорм плюс воздержание» — казался абсурдным, один очевидный плюс у него был: Шэнь Цинжань каждый день скакал как на пружинах.

Прошлой ночью Шэнь Цинжань незаметно попытался его соблазнить, но в итоге уснул, положив руку на пресс тяжело дышащего Сюэ Фэйфэна. А тот всё это время демонстрировал выдержку праведника.

— Я, в общем-то, и не настаиваю на этом, — беззастенчиво анализировал Шэнь Цинжань.

Может, при дворе возникли какие-то серьезные проблемы, и Сюэ Фэйфэн просто разрывается на части?

Шэнь Цинжань прислонился к красной колонне у входа в Зал Высшей Гармонии. На нем был простой светло-зеленый халат на ватной подкладке, воротник и манжеты которого были оторочены пушистым белым кроличьим мехом, без каких-либо излишеств. Сюэ Фэйфэн постоянно присылал ему сундуки с изысканными украшениями из жадеита, но Шэнь Цинжань считал их слишком громоздкими и почти не носил.

Единственным украшением, с которым он не расставался, был тот самый нефритовый свисток, подаренный Сюэ Фэйфэном. Несмотря на то, что после склейки он выглядел неказисто, Шэнь Цинжань свято верил, что он приносит удачу.

Зимним утром от малейшего выдоха в воздухе повисало облачко пара.

Шэнь Цинжань не стал прятаться от Сюэ Фэйфэна и открыто стоял снаружи, просто желая послушать, чем тот занят в последнее время.

Говорят, мужчина за работой — самое красивое зрелище, и Шэнь Цинжань, глядя на Императора, находил это утверждение абсолютно верным. Он видел Сюэ Фэйфэна на смотре войск, видел, как тот работает в поле, видел, как он проезжает сквозь многотысячную толпу пленников в новой столице, когда никто не смел даже поднять на него глаза.

Но он никогда не видел Сюэ Фэйфэна на императорском приеме.

Избранник Небес, в короне и облачении с драконами, с киноварной кистью в руке.

Какой же он красивый.

В присутствии Шэнь Цинжана Сюэ Фэйфэн всегда был мягким и уступчивым, без намека на ту непреклонную властность человека, вершащего судьбы.

Шэнь Цинжань невольно задумался о своем поведении.

...Вроде бы ничего особенного, он же не издевается над Сюэ Фэйфэном.

Сюэ Фэйфэн сразу же заметил Шэнь Цинжана, словно благородного журавля, присевшего отдохнуть у Зала Высшей Гармонии.

Не успел он пригласить его внутрь погреться, как один из престарелых сановников, видимо, потеряв рассудок, вдруг озабочился вопросом продолжения императорского рода.

— Императрица Шэнь, несомненно, Мать Нации, чьи добродетели признаны всеми. Однако продолжение рода Вашего Величества — залог стабильности нашей Великой Ци. Осмелюсь предложить весной провести широкий отбор наложниц, дабы приумножить потомство. Императрица, будучи мудрой и великодушной, несомненно, поддержит эту инициативу.

Лицо «мудрого и великодушного» Шэнь Цинжана потемнело: Да я ни одной не потерплю!

Так вот из-за чего у Сюэ Фэйфэна в последнее время голова болит?

Остальные сановники потупили взоры и хранили гробовое молчание.

Для Великой Ци еда — основа всего. Шэнь Цинжань, дарованный самими Небесами, на посту Императрицы переносил немыслимые тяготы, радея за простой народ, и потому пользовался колоссальным уважением как в армии, так и среди простолюдинов. Для Императора он стал спасителем в час нужды, их связывала глубокая и искренняя привязанность.

Предлагать Императору набрать наложниц — это же верный способ нажать себе могущественного врага!

Лицо Сюэ Фэйфэна стало чернее тучи. Наконец-то у жены возникло желание взглянуть на него за работой, а эти чинуши вместо того, чтобы обсуждать дела, подчеркивающие его мудрость и величие, заговорили о наложницах! У них что, головы дверью прищемило перед приемом?!

— Господин Чжан, вы глубоко заблуждаетесь. — Защищать свой статус Шэнь Цинжань предпочитал лично. Он переступил порог Зала Высшей Гармонии, чеканя шаг.

Господина Чжана тут же прошиб холодный пот. Почему никто не предупредил его, что Императрица здесь?!

Знай он это, ни за что бы не открыл рот.

Лицо Сюэ Фэйфэна немного прояснилось, во взгляде мелькнула теплая весенняя искра. Видеть, как Шэнь Цинжань, вздыбив шерсть на загривке, пытается сохранить лицо и казаться рассудительным — что может быть милее?

Шэнь Цинжань не стал ходить вокруг да около:

— Между мной и Его Величеством заключен уговор: никаких наложниц и детей. Слово Императора — закон, известный как Небесам, так и простым смертным.

— Неужели господин Чжан считает, что Император должен нарушить свое слово?

Господин Чжан попытался выкрутиться:

— Этот подданный никогда о таком не слышал. Есть ли у Вашего Величества Императрицы указ, подтверждающий это?

— У Нас есть. — В разговор вступил Сюэ Фэйфэн. Под удивленным взглядом Шэнь Цинжана Император достал из потайного ящичка у трона два желтых шелковых свитка.

Он поднялся, передал свитки главному евнуху, лично спустился, чтобы взять Шэнь Цинжана за руку, и возвел его на девять ступеней вверх, поставив рядом с собой.

— Всем внимать Императорскому Указу.

— По воле Небес, Император повелевает...

Содержание первого указа в точности повторяло слова Шэнь Цинжана, а в конце добавлялось, что отныне любой, кто заикнется о наложницах, будет обвинен в неповиновении монаршей воле.

Чиновники, до этого хранившие молчание, ахнули. Они думали, что господин Чжан просто поспешил, и что этот вопрос лучше поднять через пару лет. Но Император одним махом отрезал им все пути к отступлению.

Второй указ — о назначении Сюэ Цзиньфэна Наследным Принцем.

Намек Сюэ Фэйфэна был более чем прозрачен: у престола есть наследник, Сюэ Цзиньфэн еще не женат, так что если кому-то нейдет, пусть идет со своими дочерьми к нему.

Эти указы были написаны еще в первый день его правления, просто дожидались своего часа.

Шэнь Цинжань перевел взгляд с Сюэ Фэйфэна на виднеющееся сквозь золотистую черепицу ясное небо. Его светлое, нежное лицо озарилось такой ослепительной улыбкой, что Император едва не потерял самообладание прямо на глазах у всех сановников.

Сюэ Фэйфэн сдерживал себя целую зиму. Когда сошел снег и Шэнь Цинжань скинул тяжелые ватные одежды, его шея, спрятанная всё это время от солнца, оказалась белее новогоднего снега.

Он поправился ровно на десять цзиней, и даже тонкие мозоли на пальцах исчезли без следа.

Сюэ Фэйфэн просто не мог оторвать от него рук.

— Бесстыдник, отпусти! — Шэнь Цинжань прикрыл шею рукой.

Но что-то влажное лизнуло его сквозь пальцы, и разряд тока пронесся от кончиков пальцев до самых пят.

Весна — пора, когда пробуждается желание сеять семена.

Об этом думал Шэнь Цинжань, об этом же думал и Сюэ Фэйфэн.

Шэнь Цинжань был готов разрыдаться: Сюэ Фэйфэн просто переходил все границы! После столь долгого «воздержания» он совсем отвык, и теперь всё было таким же ошеломляющим, как в первый раз! И больно, и утомительно.

Он мечтал немного похудеть, чтобы Сюэ Фэйфэну было неповадно, но, как назло, из-за этих ночных «марафонов» у него проснулся зверский аппетит!

Возмутительно!

— Меня еще ждут мои сто му для опытов, — слабо запротестовал Шэнь Цинжань, отталкивая Сюэ Фэйфэна.

Эти сто му — конфискованные земли Сюэ Лифэна и других коррумпированных чиновников. Сюэ Фэйфэн отобрал лучшие участки, приставил к ним охрану и крестьян, и внес в список свадебных даров для Императрицы.

И хотя Сюэ Фэйфэн был категорически против того, чтобы Шэнь Цинжань возился в земле, подарком выбрал именно поля. Он перебирал тонкие пальцы Шэнь Цинжаня с огромной неохотой: так долго избавлялись от мозолей, и вот опять.

— Умница, посадишь всё послезавтра. — У Сюэ Фэйфэна был свой график.

«Завтра, завтра, не сегодня!» Да еще и такие ночные нагрузки!

Шэнь Цинжань предпринял последнюю попытку выбраться из кровати:

— Весенний дождь дорог как масло...

Сюэ Фэйфэн невозмутимо парировал:

— Одна капля семени стоит десяти капель крови.

Шэнь Цинжань: Аргумент Императора неоспорим. Сдаюсь.

<http://bllate.org/book/17933/2156166>